

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИРКУТСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ

LV РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Иркутск, 23–27 марта 2015 г.

УДК 902/904+39](47)(063)
ББК 63.4+63.5](2)л0
М34

Проведение конференции и публикация сборника материалов
осуществлены в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ, тема № 33.1637.2014/К

Ответственные редакторы
д-р ист. наук, проф. Г. И. Медведев
канд. ист. наук Е. А. Липнина

Редакционная коллегия
канд. ист. наук И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова, канд. ист. наук О. И. Горюнова,
Г. Н. Михнюк, канд. ист. наук А. Г. Новиков, канд. ист. наук В. М. Новосельцева,
канд. ист. наук Н. А. Савельев, канд. ист. наук М. Г. Туров, канд. ист. наук Е. О. Роговской

Ответственный секретарь
Д. Н. Лохов

Переводчик
П. А. Курзыбов

М34 Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 23–27 марта 2015 г. / отв. ред.: Г. И. Медведев, Е. А. Липнина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 269 с.
ISBN 978-5-9624-1194-1

Сборник содержит материалы докладов LV Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых (Иркутск, 23–27 марта 2015 г.), посвященной памяти выдающегося российского археолога доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Г. И. Медведева.

В статьях молодых ученых представлены результаты археологических, этнологических, культурологических и междисциплинарных исследований древних, традиционных и современных обществ Евразии, проведенных ими как самостоятельно, так и под руководством ведущих специалистов. Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер. Издание адресовано специалистам археологам, этнологам, историкам, культурологам, регионоведам, музейным работникам, студентам, а также краеведам и широкому кругу читателей, интересующихся археологическими древностями, проблемами развития палеокультур и современными этнокультурными процессами Евразийского пространства.

Оргкомитет выражает благодарность Министерству культуры и архивов Иркутской области, Службе по охране объектов культурного наследия Иркутской области и книготорговой фирме «ПродаЛитЪ» за помощь в проведении конференции

УДК 902/904+39](47)(063)
ББК 63.4+63.5](2)л0

ISBN 978-5-9624-1194-1

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2015
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2015

<i>Кубаев А. С.</i>	
Игра в культуре казахов: прошлое и настоящее	202
<i>Кульдо М. Е., Ибрагимов М. Н.</i>	
Этноконфессиональная политика государства и миссионерская деятельность среди забайкальских старообрядцев (вторая половина XIX – начало XX вв.)	204
<i>Лаврищук Е. М.</i>	
Лекарственные растения в жизни Омолонских эвенгов и чукчей	206
<i>Люля Н. В.</i>	
Факторы изменения традиционной материальной культуры украинского сельского населения Алтайского края	208
<i>Мейрамова А. А.</i>	
«Обряды перехода» в казахской свадьбе	210
<i>Николаев Н. А.</i>	
Новые этнографические сведения о племени хоро	211
<i>Новикова Ю. С.</i>	
Современные этнические процессы у украинцев Омской области	213
<i>Норкина М. В.</i>	
Арктическое жилище как сакральный объект (на примере чукотского жилища).....	215
<i>Пономарев М. Б.</i>	
Фотография как этнографический источник в изучении культуры и быта якутов в конце XIX – начале XX вв.	217
<i>Рублев Е. А.</i>	
Особенности хозяйственно-экономического положения русских переселенцев Ояшинской волости Томского уезда и губернии в конце XIX–начале XX века.....	218
<i>Рыговский Д. С.</i>	
Фольклорно-этнографическая карта святых мест старообрядцев Западной Сибири: локальные варианты модели конструирования сакрального пространства.....	220
<i>Рыков А. В.</i>	
Трудовые традиции крестьянства в контексте советской модернизации в 1920–1940-е гг.	222
<i>Собакин К. А.</i>	
Представления о семье у якутской и казахской молодежи.....	224
<i>Федоров С. И.</i>	
Традиционная утварь кумысопития у скотоводческих народов Северо-Восточной и Центральной Азии	225
<i>Чарышова М. Ю.</i>	
Семейный праздник «койу-кочо» у алтайского народа в свете научных подходов к обряду	227
<i>Шинкевич П. П.</i>	
Аграрные переселения 1917–1924 гг. и их влияние на этногрупповую структуру населения Сибири (по материалам Омской области).....	229
<i>Ябыштаев Т. С.</i>	
О межконфессиональной ситуации в Республике Алтай (об установке поклонного креста).....	231

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА В АРХЕОЛОГИИ

<i>Аболонкова И. В.</i>	
К вопросу изучения гравированных изображений Тепсейского археологического комплекса.....	233
<i>Андреев О. В.</i>	
Восток и Запад: сравнительный анализ ритуала порчи боевого оружия.....	235
<i>Евлюхина К. А.</i>	
Редко встречаемые образы животных в кремневой скульптуре Урала	237

Геннеп. А. ван. Обряды перехода / А. ван Геннеп. – М. : Восточная литература, 1999. – 198 с.

Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОС-СПЭН, 2004. – 557 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – 278 с.

Altai family fete «koyu-kocho» in the light of scientific approaches to a rite

M. Y. Charyshova

This article describe a family fete «koyu-kocho» in terms of scientific approaches to a rite.

Keywords: Fete, symbols, cultural theme, ceremonial, regulated behavior

Чарышова Мария Юрьевна

студент 3-го курса, Национальный исследовательский
Томский государственный университет
e-mail: charyshovamaria@mail.ru

Charyshova Maria Yurievna

student 3rd year, National Research Tomsk State University
e-mail: charyshovamaria@mail.ru

УДК 930:314

Аграрные переселения 1917–1924 гг. и их влияние на этногрупповую структуру населения Сибири (по материалам Омской области)*

П. П. Шинкевич

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII – XXI веках»

Формирования русского населения Сибири в XX в. – проблема, являющаяся ключевой для понимания современных демографических и культурных процессов региона. Представители локальных групп русских, являющиеся носителями уникальных культурных установок, по-разному воспринимали окружающую действительность и отличались поведенческими моделями. Реконструкция миграционных потоков и их характеристика позволят определить структуру русского населения Сибири для последующих периодов. В данной работе автор делает попытку, опираясь на корпус архивных материалов, охарактеризовать один из этапов истории переселенческого движения в Сибири – первые годы Советской власти (1917–1924 гг.), установить места выхода переселенцев, их примерную численность и пути их вхождения в сложившуюся в Сибири этногрупповую структуру.

Октябрьская революция, провозгласившая слом царских институтов, казалось бы, должна была внести коррективы и в организацию переселенческого дела. Однако, как следует из имеющихся источников, многое в организации аграрных переселений крестьян осталось неизменным. В местах вселения устройством переселенцев стали заниматься работники существовавших ещё до революции переселенческих органов. В губерниях создавались переселенческие секции, во главе с комиссарами по делам переселения [Занданова, 2009, с. 116]. С учётом того, что государственный аппарат всегда играл веду-

щую роль в организации переселений в Сибирь, этот факт становится немаловажным. В целом, в Омском земельном управлении доля чиновников, продолжавших и после революции занимать свои должности, составляла около 80 % [Ящук, 1997, с. 59].

Плановые аграрные переселения в Сибирь сменились волной незапланированных переселенцев. Установить точную численность, этническую принадлежность и места выхода этих переселенцев нам не представляется возможным. Можно лишь опираться на общие цифры: к февралю 1917 г. численность беженцев в Сибирь составила 86 664 человека [Нам, 2004, с. 29], к 1919 г. общее их насчитывают порядка 800 тысяч человек [Рынков, 2003, с. 39]. Кто из них остался в селениях по пути, кто ушёл дальше, и сколько вернулось обратно после стабилизации социально-политической ситуации, неизвестно.

Голод начала 1920-х гг. служил причиной для большого потока вынужденных переселенцев. В «Сводке материалов информотдела ОГПУ по состоянию районов, охваченных недородом» целый раздел посвящён переселениям [Советская деревня..., 2000, с. 636-638]. Крестьяне-беженцы относились к категории «неприписного временно проживающего населения», селились на свободные земли часто без разрешения. Хлынувший поток крестьянских семей озадачил местные органы власти – встал вопрос о самозащите земли. По-видимому, губернские отделы землеустройства разрешили узаконить массовые захваты

земли, так как в 1923 г. в большом количестве появляются приговоры общих собраний членов сельских обществ, постановляющих принять в члены сельского общества того или иного переселенца, прибывшего в 1920–1922 гг. [ГАОО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 123. Л. 35.]. В основном это переселенцы из Европейской части России.

Наряду с внешними миграциями, наблюдается и распространённость внутрисибирских миграций, главным образом, из северных районов в южные. Основной причиной для этих переселений стали неурожай и вызванный им голод.

В Омской губернии, согласно губернским отчётам, «главным контингентом переселяющихся были выходцы из Тульской, Рязанской и Калужской губерний, пострадавшие в предыдущем году от неурожая. ... К этому времени на территории Омского округа насчитывалось, по данным переписи 1920 года, до 45 000 едоков неприписного населения, состоящего, преимущественно, из неустроенных в своё время переселенцев, беженцев голода и Империалистической войны и самовольцев. Возникшее переселение в последующие годы приостановилось» [ГАОО. Ф. Р214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1.]. В журнале учёта переселенческих колхозов Земельного управления Исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов как места выхода указаны различные губернии и округа европейской части страны [ГАОО. Ф. Р209. Оп. 1. Д. 828. Л. 1–9.]. Хотя в имеющихся источниках отсутствуют сведения, позволяющие точно определить этническую принадлежность переселенцев, мы можем предположить с высокой долей вероятности, основываясь на местах выхода, что это были русские (выходцы из Воронежской, Смоленской, Московской губерний), белорусы (из Минского, Витебского, Бобруйского округов) и украинцы (Черниговский и Киевский округа).

Коснёмся вопроса взаимодействия переселенцев и старожилов. Очевидно, что самозахват земель при попустительстве администрации не мог не вызвать негативного отношения со стороны населения региона. Однако, сложная политическая ситуация в стране оттесняла эту проблему на второй план. Стабилизация же политической жизни и оживление в экономике вызвали закономерные конфликты, возникающие между новоприбывшими и старожилами. Так, в письме в редакцию «Крестьянской газеты» переселенец Данил Портала жалуется на отношение старожилов: на собраниях им не дают право голоса и относятся как к гражданам другого государства [Крестьянские истории..., 2001, с. 155]. Не все беженцы получали право вселяться на новые земли – старожилы проводили своеобразный отбор наиболее полезных переселенцев. Приехавшие из России получали земли вблизи старожильческих наделов, на менее удобных землях,

обработка которых требовала больших физических сил. Возможности переселенцев в обустройстве жилой среды были более ограничены, чем жителей выселков и заимок из местных жителей. Продолав большой путь, они начинали обустройство на новом месте с нуля [Щеглова, 2008, с. 104].

Наплыв переселенцев приводил зачастую к усилению политической напряжённости в местах вселения. В докладе Земельного управления исполкома Омского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О состоянии работы по переселению и колонизации в округе» даётся характеристика аграрным переселениям в Сибирь и отмечается, что «в период затишья в сельском хозяйстве наличие в округе такого незначительного неприписного населения всё же особых трений с коренным не вызывало. Но уже начиная с 1922–1923 годов взаимоотношения резко изменились – отмечается значительное обострение, коренное население, видя в неприписных претендентах на ихние земли, принимало всевозможные меры притеснения с тем, чтобы избавиться от них окончательно, здесь уже требовалось административное вмешательство» [ГАОО. Ф. Р214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1–2].

С этого времени государство начинает упорядочивать миграционные потоки. Стабилизация социально-экономической ситуации в стране меняет характер переселенческого движения, появляется «административное вмешательство». Управленческий аппарат берёт переселения под жесткий контроль и становится организатором миграционного потока посредством созданного в 1924 г. Всесоюзного переселенческого комитета. Эти изменения служат началом следующего этапа миграционного движения советского периода – планового аграрного переселения.

Таким образом, в период 1917–1924 гг. в переселенческом движении преобладали стихийные вынужденные переселения из Европейской части страны, вызванные социально-экономическими потрясениями. Примерная численность переселенцев – около 45–60 тысяч человек. Этногрупповой состав переселенцев складывается из выходцев из Европейской части России, которые расселялись преимущественно в южной части региона, что приводило к росту социальной напряженности. Поток переселенцев этого периода усложняет этногрупповую структуру русского населения Сибири: новая волна миграций накладывается на переселения довоенного периода, во многом продолжая их тенденции относительно мест расселения, делая структуру русского общества в Сибири неоднородной. Формирование групп населения становится связанным со временем расселения, актуализируется принадлежность к той или иной группе.

Научный руководитель – канд. ист. наук,

доцент М. Л. Бережнова

Список литературы

ГАОО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 123. Л. 62. (Список неприписного временно проживающего населения в Тургеновской волости Калачинского уезда).

ГАОО. Ф. Р209. Оп. 1. Д. 828.

ГАОО. Ф. Р214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1. (Доклад Земельного управления исполкома Омского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О состоянии работы по переселению и колонизации в округе»).

Занданова Л. В. Аграрные миграции в Сибирь в XX веке: основные этапы и политика государства / Л. В. Занданова // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – нач. XXI веков. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 113–130.

Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 155.

Нам И. В. Беженцы / И. В. Нам // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. – Томск, 2004. – С. 29.

Рышков В. М. Будни гражданской войны: поведение горожан в экстремальной ситуации / В. М. Рышков // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. – Новосибирск, 2003. – С. 32–47.

Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 2. – С. 636–638.

Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтая в XX веке. Устная история / Т. К. Щеглова. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 528 с.

Ящук Т. Ф. Политика по отношению к старым специалистам в первой половине 1920-х годов / Т. Ф. Ящук // Исторический ежегодник. – Омск, 1997. – С. 52–59.

Agrarian resettlement 1917–1924 and their impact on Ethnography structure of the population of Siberia (according to the materials of the Omsk region)

P. P. Shinkevich

Author of this text describes migrations in Siberia after October Revolution. He touch upon the problems that are connected with movement of refugees, transmigrations, ethnography structure of population in 1917–1924.

Keywords: resettlement's, population of Siberia, migrations in Siberia, refugees, transmigrations.

Шинкевич Павел Петрович

магистрант 2-го года обучения, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

Shinkevich Pavel Petrovich

graduate student 2nd year, Omsk State University of F. M. Dostoevsky
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

УДК 39

О межконфессиональной ситуации в Республике Алтай (об установке поклонного креста)*

Т. С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
*Статья написана при поддержке РГНФ – проект № 15-11-04003 а(р)

Республика Алтай является поликонфессиональным регионом России. В столице г. Горно-Алтайск возведены церковь и мечеть, функционируют различные секты – протестантские, буддийские и пр. Большинство русских идентифицируют себя православными, казахи, как крупная диаспора республики, исповедуют ислам. В 1990-е годы, в период этнического подъема алтайцев, актуализировались религиозная идентичность и традиционные верования «Алтай жан», представляющие синтез шаманизма и бурханизма [Тадина, 2013, с. 160].

В настоящее время в межконфессиональном пространстве республики назревает конфликт взаимоотношений приверженцев православной церкви и алтайской религии «Алтай жан». В данной статье освещается проблема противостояния алтайцев строительству часовен и водружению поклонных крестов на священных местах – перевалах, вершинах, источниках. Основными методами исследования являются непосредственное наблюдение межконфессиональной ситуации и интервьюирование участников событий.

В период 2011–2014 гг. широко обсуждается проблема установки православных крестов. Наиболее дискуссионными были случаи появления крестов при въезде в Республику Алтай, в приграничной зоне на плато Укок, повсеместно у священных источников, перевалов и вдоль федеральной трассы М-52 Чуйский тракт. В 2011 г. общественный резонанс вызвало обращение профессора Н. М. Киндиковой о законодательном запрещении «установки столба-креста в черте города и сел Республики Алтай». В том же году произошел другой случай – жители с. Аскат Чемальского района выступили против строительства часовни на горе Луковка, инициатором которого было руководство туристической базы «Турсиб» [Доктор наук..., 2011]. В 2012 г. у подножья Семинского перевала, около с. Топучая Шебалинского района, был повален поклонный крест, установленный в знак строительства часовни. Другой крест по Чуйскому тракту был установлен у с. Купчегень Онгудайского района, что явилось поводом межнациональных разногласий алтайцев и русских [Ябыштаев, 2014,